

Н. С. Бочкарева

РЕМИНИСЦЕНЦИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОМАНЕ А. С. БАЙЕТТ «ДЕТСКАЯ КНИГА»

48

На материале интервью с писательницей обосновывается тезис о том, что отношение Байетт к России во многом опосредовано русской литературой от Достоевского и Толстого до Пелевина. Ставится проблема мифологизации и демифологизации образа России. В частности, подчеркивается, что вымышленные (Татаринов) и реальные (Степняк, Кропоткин) образы русских анархистов даны через восприятие англичан. Делается вывод о том, что реминисценции русской культуры не столько поддерживают национальный миф, сколько свидетельствуют о состоянии европейской культуры накануне Первой мировой войны. Особое внимание уделяется упоминаниям о русской гробнице (раке) в начале романа и балете «Петрушка», привезенном Дягилевым, в последней части. Эти реминисценции тесно связаны с европейскими (английскими – Глостерский канделябр, немецкими – музыка Рихарда Штрауса, театр марионеток). Поэтому рака лишь предположительно называется «русской», а имена создателей «Петрушки», русских композиторов и художников (Стравинского, Бенуа и др.), не упоминаются. Тем не менее реминисценции русской культуры неожиданно сближают образы религиозной (мощи святого) и площадной (кукла Петрушка) культур, постоянно «оживающие» в произведениях разных видов искусства.

Having considered one of the interviews, given by A. S. Byatt, the author concludes that the writer's attitude to Russia is largely mediated by the Russian literature from Dostoevsky and Tolstoy to Pelevin. The researcher brings forward the problem of mythologization and demythologization of the image of Russia, and stresses the fact, that the fictional (Tatarinov) and real (Stepnyak, Kropotkin) images of Russian anarchists are given in the perception of the British. The author comes to the conclusion that the reminiscences of Russian culture do not so much support the national myth as they reveal the state of European culture on the eve of the First World War. The author focuses on the references to the Russian tomb (Raca or reliquary) at the beginning of the novel and Diaghilev's ballet "Petrushka" in the last part. These reminiscences are closely related to Europe (England – Gloucester candelabrum, Germany – music by Richard Wagner, puppet theater). Therefore, raca (reliquary) is only supposedly called "Russian," and the names of the creators of "Petrushka", Russian composers and artists (Stravinsky, Benois, and others) are not mentioned at all. Nevertheless, the reminiscences of Russian culture unexpectedly bring together the images of religious (relic) and carnival (Petrushka doll) cultures, which are constantly "reviving" in the works of various types of art.

Ключевые слова: русские реминисценции, английская литература, анархисты, рака, балет Дягилева.

Keywords: Russian reminiscences, English literature, anarchists, reliquary, Diaghilev's ballet.

Актуальность заявленной темы обусловлена не только постоянным интересом англичан к русской культуре [24], но и российскими исследованиями «мифа о России» в британской (английской) литературе [8]. Если в монографии Н. П. Михальской [14] мысль ученого движется от образа к мифу и его структурной модели, то современные исследователи, отталкиваясь от мифа, рассматривают его различные художественные интерпретации [12; 17]. Сознательная установка на мифологизацию и демифологизацию характеризует роман А. С. Байетт «Детская книга» (*The Children's Book*, 2009), в котором европейская история рубежа XIX—XX вв. представлена через смену трех веков (золотой, серебряный, свинцовый) и заканчивается Первой мировой войной.

О медленно, но неуклонно растущей популярности в нашей стране творчества известной английской писательницы и критика Антонии Сьюзен Байетт, лауреата Букеровской премии 1990 г., свидетельствует как перевод трех ее романов [1—3], так и публикация в 2017 г. переводов сразу пяти сборников ее рассказов [4; 5]. В России Байетт не бывала, но дала несколько интервью [9; 11; 18], где высоко оценила классическую русскую литературу (Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, Н. В. Гоголь и др.), поэтов А. Ахматову и М. Цветаеву, прозу В. Набокова, а также роман В. Пелевина «Шлем ужаса: Креатифф о Тесее и Минотавре» (2005).

Байетт и Пелевин случайно оказались участниками общего проекта, в рамках которого разным писателям предлагалось создать современные версии известных мифов:

Я пишу сейчас рецензию на книгу Виктора Пелевина «Шлем ужаса», в которой он перекраивает на современный лад миф о Тезее и Минотавре и говорит о виртуальной реальности — общении посредством Интернета. В начале он приводит слова Скотта Фицджеральда о том, как сильно всех нас тянет в прошлое и как мы похожи на гребцов, плывущих против течения. Пелевин рассуждает о мифологичности прогресса, сравнивает мозг с компьютером, а рождаемые им мифы — с программными оболочками. У Пелевина получилась удивительная, потрясающая книга. <...> Я так же, как и Пелевин в «Шлеме ужаса», пользуюсь мифологией. Я выбрала сказание о Рагнароке, смерти богов и конце мира. Обожаю норвежский эпос. Слушаю вагнеровское «Кольцо» и читаю прогнозы современных ученых о конце света [9, с. 243].

Книга Байетт «Рагнарок: конец богов» (*Ragnarök: The End of the Gods*, 2011) возвращает в военное детство писательницы, посвящена ее матери К. М. Дрэббл и создавалась параллельно с романом «Детская книга».

В интервью 2014 г. Байетт признается, что «долго не отваживалась писать о русских», знала, что не сможет «описать их достоверно» [11]. Вымышленный образ анархиста Василия Татарина и его семьи заслуживает отдельного исследования. Отметим только, что Байетт соединяет в его характере любовь к древней литературе и анархизм. «Чарльза раздражал энтузиазм, с которым Татарин декламировал стихи (из «Энеиды» Вергилия. — Н. Б.). <...> ...Он человек с двумя лицами и двумя душами, какой бы цельной натурой ни выглядел» [2, с. 244]. Тома,

напротив, завораживал «сочный русский акцент», с которым Татаринов «декламировал латинские строки», особенно эпизод шестой главы, где «герой, отломив золотую ветвь, спускается в подземный мир» [2, с. 243]. Двойственность характеризует всех героев романа и во многом определяет его основную проблематику.

Байетт нарочито обыгрывает «говорящую» фамилию персонажа, но и сам Та(р)аринов (Tartarinov) сознательно мифологизирует многократно повторяемую им историю побега русских террористов из тюрьмы на лошади по кличке Варвар (Varvar), чтобы оправдать восторженные и испуганные ожидания принимающих его англичан-социалистов: «This horse, a noble black beast, Varvar the barbarian, had played an essential part in a series of daring escapes from Russian prisons and police surveillance, including Tartarinov's own. <...> The English socialists were embarrassed to ask certain question» [20, p. 55–56]. В романной «хронике» за 1881 г. упоминается исторический факт защиты Уильямом Моррисом австрийского диссидента, воспевавшего убийство русского царя Александра II: «William Morris defended the Austrian dissident Johannes Most, who wrote what Morris described as a song of triumph at the assassination of Tsar Alexander II» [20, p. 33].

Кроме сочинений князя Петра Кропоткина, которые обсуждает Чарльз, в романе косвенно присутствует «Сергей Михайлович Кравчинский, известный всем под кличкой Степняк и ныне ставший любимчиком английских социалистов и анархистов» [2, с. 81]. Его загадочная смерть под колесами поезда и торжественные похороны [20, p. 163–165] знаменуют конец «золотого» 1895 г., во многом предвосхищая самоубийство Бенедикта Фладда и Тома. В интервью Байетт объясняет:

Я изучала русских на примере Сергея Степняка-Кравчинского, террориста-народника, который бежал за границу и какое-то время жил в Англии — пока не погиб, попав под поезд. Со Степняком работала Констанс Гарнетт, знаменитая переводчица, благодаря которой англичане прочли Толстого, Чехова и других русских авторов. Все в Лондоне обожали Степняка — надо думать, он был человеком огромного личного обаяния. Может, лондонцы и не знали, что он убил шефа жандармов Мезенцова — думали, что он нигилист, бежавший из царской России. Именно он послужил мне источником вдохновения [11].

Мифологизация и демифологизация русских террористов прямо и косвенно связана с интересом англичан к русской литературе. Центральное в романе метафорическое противопоставление искусства и жизни выражено в словах Татаринова о критике Достоевским «фарфорового социализма»: «Fyodor Dostoevsky's definition of utopian socialism, m-m-m, the pleasant and frangible vista on a teacup. Porcelain socialism» [20, p. 70]. Жанровая поэтика «Детской книги» (Байетт хотела написать панорамный исторический и семейный роман о войне и мире) обнаруживает влияние Толстого («...чтение русских писателей многое сообщает о том, что такое роман» [11]), хотя сложная монтажная структура произведения отражает тенденции современной прозы (см. об этом: [13]).

Многие исследователи относят «Детскую книгу» к неовикторианскому роману, в котором переосмысляются идеалы Викторианской эпохи через опыт XX столетия [19, p. 67–71], продолжается литературная традиция «золотого» века английского романа [27, p. 72]. Эти же вопросы поднимаются и в английском интервью с Байетт после выхода романа [25]. В связи с отношением писательницы Э. Несбит (прототипа главной героини «Детской книги») к «социалистической субкультуре» обсуждается место в романе русских «анархистов» (Кропоткин) и «революционеров» (Степняк) [22, p. 80–81].

В ряде работ специально подчеркивается роль Музея Виктории и Альберта (в романе — «the South Kensington Museum») и его экспонатов в создании образа Филипа: «...спрятавшись в его запасниках, он сразу сближается с произведениями искусства, особенно с Глостерским канделябром» [19, p. 66] (о Глостерском канделябре и других произведениях декоративно-прикладного искусства в романе см. нашу статью: [7]). Более того, подробно рассматривается отношение Байетт к музею как хранилищу произведений искусства: «Музей становится для Филипа убежищем и домом, хотя его выбор подземного помещения (the underground store), гробницы (a funeral chamber) скорее напоминает футуристическую критику музея как мавзолея» [23, p. 84].

Обратим внимание на то, что гробница, в которой находит приют Филип в начале романа, предположительно называется «русской»:

'Come in,' said the grimy boy, at the opening of a small storeroom, making a welcoming gesture, possibly mocking, with an arm. The store-room, contained what appeared to be a small stone hut, carved and ornamented with cherubim and seraphim, eagles and doves, acanthus and vines. It had its own little metal gate, with traces of gilding on the rusting iron.

'Convenient,' said Philip. 'It has a stone bed. I took the liberty of borrowing some sacks to keep warm. I'll put 'em back, naturally, where I found them.

'It's a tomb or shrine,' said Julian. 'Russian, by the look of it. There must have been some saint on that table, in a glass case or a reliquary. He might still be in there, underneath, his bones that is, if he wasn't incorrupt.'

'I haven't noticed him,' said Philip flatly. 'He hasn't bothered me' [20, p. 8].

В современном собрании Музея Виктории и Альберта нет русской гробницы (tomb) или раки для святых мощей (shrine), но в 2008 г. сюда из коллекции Розалинды и Артура Гилбертов поступили резные алтарные ворота (gates) из позолоченного серебра и железа (gilded silver and iron) с сюжетами Благовещения, Входа Господня в Иерусалим и образами четырех евангелистов, выполненные неизвестными мастерами для православного монастыря в Киеве во второй половине XVIII в. [21] в барочном стиле. Возможно, именно это событие повлияло на появление русской реминисценции в описании гробницы в романе, опубликованном в 2009 г. (ср. упоминание покрытых позолотой железных ворот: «It had its own little metal gate, with traces of gilding on the rusting iron»).

Рака, или гробница, представляет собой ковчег, внутри которого находится гроб с мощами святого. В православной традиции рака традиционно имеет прямоугольную форму и приближена к размерам тела

человека. В Древней Руси рака могла представлять собой каменный саркофаг или деревянный ковчег, а в более поздние времена, как правило, выполнялась из металла и украшалась чеканкой. В Эрмитаже находится великолепная серебряная рака святого Александра Невского, выполненная в XVIII столетии европейскими и русскими мастерами в барочном стиле. На крышке саркофага можно увидеть литые изображения херувимов, а пятиярусная пирамида украшена накладными литыми прочеканенными ветвями, цветами и листьями [10]. Подростки в романе Байетт обращают внимание на декоративные детали «ковчега» («a small stone hut»), «украшенного херувимами и серафимами, орлами и голубями, листьями аканта и виноградной лозы» («carved and ornamented with cherubim and seraphim, eagles and doves, acanthus and vines»), что свидетельствует об их эстетическом видении, а упоминание «стеклянного гроба» («in a glass case») обнаруживает лейтмотив всего творчества Байетт [15].

Слезная позолота, подвальное помещение, отсутствие мощей в раке символически выражают конец «золотого» века европейской (христианской) культуры в самом начале романа. Последняя его часть «Свинцовый век» открывается тоже русской реминисценцией — Дягилевскими сезонами в Лондоне: «In May 1914 Diaghilev brought the Russian Ballet with music by Richard Strauss for a triumphant season in Drury Lane. They played *Ivan the Terrible* and Strauss's *Joseph*. <...> On July 25th the last performance staged both *Joseph* and *Petrouchka*, ending with the pathetic death of the living puppet. That evening the Austrian Ambassador rejected the Serbian reply to his ultimatum, and left for home» [20, p. 577]. Этот фрагмент романной «хроники» почти дословно совпадает с финалом шестой главы книги Барбары Такман «The Proud Tower: A Portrait of the World before the War, 1890—1914» (1966), которая в русском переводе получила название «Европа перед катастрофой»: «A month later on July 25 the Russian Ballet closed its season with a joint performance of Strauss's *Joseph* and Stravinsky's *Petrouchka*. At the same hour that evening in Belgrade the Serbian reply to an Austrian ultimatum was rejected by the Austrian Ambassador, who announced the severance of relations and left for home» [26]. В главе подробно характеризуются «Русские балеты» Сергея Дягилева, которые, «как яркая тропическая птица» («like a gorgeous tropical bird»), взорвали Западный мир.

В романе Байетт акцентируется музыка немецкого композитора Рихарда Штрауса, создателя опер «Саломея» (1905) и «Электра» (1908), и его одноактный балет «Легенда об Иосифе» (1914), в котором накануне Первой мировой войны была символически представлена тема ангельской природы ребенка [6, с. 183—186]. Эскизы костюмов к балету создавал Лев Бакст. Но имена русских художников и композиторов в романной «хронике» не упоминаются. Отметим, что под названием «Иван Грозный» впервые в Париже в 1909 г. исполнялась опера Н. А. Римского-Корсакова «Псковитянка» (написана в 1873 г., переработана в 1894 г.), а балет Игоря Стравинского «Петрушка», созданный при участии самого Дягилева и художника Александра Бенуа, был впервые по-

казан в Париже в 1911 г. [16, с. 244, 246]. Среди театральных коллекций Музея Виктории и Альберта много эскизов, костюмов и даже иллюстраций к «Русским балетам».

Балет «Петрушка» заканчивается «трогательной смертью живой куклы» («the pathetic death of the living puppet»). В книге Такман передается восприятие англичанами Вацлава Нижинского в образе Петрушки: «Nijinsky as the puppet broke the audience's heart. Thrown by his master into a black box, rushing about waving his stiff arms in the air, pathetic in love and frantic in jealousy, his performance was a triumph just in time for the London season» [26, p. 244, 246]. В романе «Детская книга» образ куклы имеет особое значение в связи с сюжетной линией театра марионеток немца еврейского происхождения Ансельма Штерна. Оксюморон «смерть живой куклы» во многом определяет поэтику и проблематику романа.

Таким образом, русские реминисценции в «Детской книге» Байетт не столько поддерживают национальный миф, сколько активно участвуют в воссоздании историко-культурной ситуации в Европе накануне Первой мировой войны. Лаконичный образ России в романе связан с образами Германии и Англии, но не противопоставляется им и не нивелируется ими. Даже в описании Чарльзом сатирического представления в мюнхенском кабаре «11 палачей» (*Elf Scharfrichter*) подчеркивается родство трех враждующих держав: «There were the uncle and the cousins, Edward, the Kaiser Wilhelm, Tsar Nikolas, roaring with rage like toddlers, conspiring with each other against each other» [20, p. 386]. Реминисценции русской культуры в начале и в конце романа не противопоставляют, а неожиданно сближают образы религиозной (мощи святого) и площадной (кукла Петрушка) культур, «оживающие» в произведениях разных видов искусства.

Список литературы

1. Байетт А. С. Ангелы и насекомые: Морфо Евгения. Ангел супружества / пер. с англ. М. Наумова. М., 2000.
2. Байетт А. С. Детская книга / пер. с англ. Т. П. Боровиковой. М., 2012.
3. Байетт А. С. Обладать / пер. с англ. В. К. Ланчикова, Д. В. Псурцева. М., 2004.
4. Байетт А. С. Призраки и художники / пер. с англ. М., 2017.
5. Байетт А. С. Чудеса и фантазии / пер. с англ. М., 2017.
6. Балетные либретто / сост. Ю. А. Розанова, С. М. Разумова. М., 2002.
7. Бочкарева Н. С. Экфрасис произведений декоративно-прикладного искусства в романе А. С. Байетт «Детская книга» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. Вып. 3 (31). С. 105–122.
8. Бочкарева Н. С., Проскурнин Б. М. Образ и миф в английской литературе о России // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. Вып. 4 (32). С. 142–146.
9. Дроздовский Д. «Больше всего я люблю писать о книгах, которые пока еще поняла не до конца...»: Дмитрий Дроздовский беседует с Антонией С. Байет / пер. с англ. Е. Скрылевой // Иностранная литература. 2006. №12. С. 238–243.

10. *Завадская Л.А.* Рака Александра Невского в собрании Эрмитажа // Александр Невский и история России : матер. науч.-практ. конф. Новгород, 2016. URL: <http://www.bibliotekar.ru/rusNevskiy/6.htm> (дата обращения: 10.07.2018).
11. *Караев Н.* Антония Байетт: русская душа не загадочна // Postimees : [сайт]. 2014. 29 дек. URL: <http://rus.postimees.ee/3038765/antonija-bajett-russkaja-dusha-ne-zagadochna> (дата обращения: 12.02.2018).
12. *Королева С.Б.* Миф о России в британской культуре и литературе (до 1920-х годов). М., 2014.
13. *Мазова Е.В.* Поэтика вставных текстов в романе А.С. Байетт «Детская книга» : дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2017.
14. *Михальская Н.П.* Образ России в английской художественной литературе IX – XIX вв. М., 2003.
15. *Неклюдова А.Г., Бочкарева Н.С.* Функции стеклянных пресс-папье в повести А.С. Байетт «Джинн в бутылке из стекла "соловьиный глаз"» // Общественные науки. 2018. №2. С. 18 – 23.
16. *Пожарская М.Н.* Русские сезоны в Париже: эскизы декораций и костюмов 1908 – 1929. М., 1988.
17. *Хабидулина Л.Ф.* Миф России в современной английской литературе. Казань, 2010.
18. *Щербино К.* Антония Байетт: «Зачем нужно искусство?» // Взгляд: деловая газета. 2007. 9 окт. URL: <https://vz.ru/culture/2007/10/9/116125.html> (дата обращения: 12.02.2015).
19. *Bristow J.* What Happened? The Children's Book and the Question of History, 1895 – 1919 // Journal of Victorian Culture. 2012. Vol. 17, №1. P. 64 – 72.
20. *Byatt A. S.* The Children's Book. L., 2010.
21. *Gates* // Victoria and Albert Museum: Search the Collections. URL: <http://collections.vam.ac.uk/item/O157670/gates-unknown> (дата обращения: 20.05.2015).
22. *Maltz D.* The Newer New Life: A. S. Byatt, E. Nesbit and Socialist Subculture // Journal of Victorian Culture. 2012. Vol. 17, №1. P. 79 – 84.
23. *O'Neill M.* «The Craftsman's Dream»: Objects and Display in The Children's Book // Ibid. P. 84 – 89.
24. *Russia in Britain 1880 – 1940: From Melodrama to Modernism* / ed. by R. Beasley, Ph. R. Bullock. Oxford, 2013.
25. *Scott M.* An Interview with A.S. Byatt on her new novel The Children's Book // The Dewey Divas and the Dudes. 2009. May 20. URL: <http://deweydivas.blogspot.ru/2009/05/interview-with-s-byatt-on-her-new-novel.html> (дата обращения: 15.08.2015).
26. *Tuchman B.W.* The Proud Tower: A Portrait of the World before the War, 1890 – 1914. N. Y., 1966. URL: <https://erenow.com/modern/proudtower> (дата обращения: 17.05.2018).
27. *Uhsadel K.* The Continuity of Victorian Traces: A.S. Byatt's The Children's Book // Journal of Victorian Culture. 2012. Vol. 17, №1. P. 72 – 79.

Об авторе

Нина Станиславна Бочкарева – д-р филол. наук, проф., Пермский государственный национальный исследовательский университет, Россия.

E-mail: nsbochk@mail.ru

The author

Prof. Nina S. Bochkareva, Perm State University, Russia.

E-mail: nsbochk@mail.ru